

Посвящается

Кабби Калбертсону
в знак благодарности за нашу долгую дружбу
и как напоминание о твоём обещании —
такой был у нас с тобой уговор —
купить сотню экземпляров этой книги,
если я посвящу ее тебе.
Оплата наличными или картой?

Поблекшее сияние Эллен.
Рождественские туфли Ламиши У.
Пузырек Боббо.
Оброненное перо улетевающей сойки.
Октябрьское небо над Оксбоу.
Океан в Бископо.
В тот год Голден переливался всеми
оттенками синевы!

*Из рекламного буклета
художественной выставки
в галерее Зилы*

ПРОЛОГ

Тео жил в Голдене всего год, с минувшей весны. Приехал туда перед самой Пасхой. На Променаде и в Боуэри кизил и азалии стояли в цвету, весь город был усыпан цветочной пылью, словно его покрывала лимонная патина.

Со временем друзья Тео узнают, что он питал огромную любовь к рекам, будь то Дору, на берегах которой прошло его детство, Сена — свидетельница его славы, Гудзон — спутник его старости — или с полдесятка других рек, протекавших через различные города, где он жил. Видимо, в нем был заложен некий природный инстинкт, которым и объяснялась его непреодолимая тяга к водным потокам. Возможно, это было как-то связано с тем, что он родился и вырос в стране мореходов. Наверное, в крови каждого сына Португалии бурлит неугасимый дух Магеллана.

Какова бы ни была причина, неудивительно, что по приезде в Голден Тео решил поселиться рядом с Оксбоу. Из окна апартаментов, выходящего на запад, он мог любоваться рекой в любое время дня и ночи. И не только любоваться, но и слышать ее — в открытую дверь на заднюю уличную лестницу в своем обиталище на третьем этаже. Во всяком

случае, так он утверждал. И где бы он ни находился в городе, в любой миг, закрыв глаза, Тео чувствовал дыхание и напористый ритм реки, несущей свои воды по извилистому руслу на юг, к заливу, ощущал радостную поступь ее шествия к Атлантическому океану.

Всего год. Вроде бы и не долго. Но за этот короткий срок он сумел проложить русло собственного потока, в который затянуло многих жителей Голдена. Ашер, Тони, Эллен, Базилик и десятки других — целая когорта людей, не осознавая того, была подхвачена водоворотом, именуемым Тео.

Они плыли по течению.

Неслись.

Обрастая массой, набирая скорость.

Спешили к океану, о котором им мало что было известно в то время.

И, оглядываясь назад, все они скажут — во славу старого португальца с напевным голосом и едва заметной улыбкой, не сходявшей с его губ, — что «огонь горел в наших сердцах», как говорил евангелист¹.

¹ Имеется в виду евангелист Лука. Евангелие от Луки, глава 24, стих 32. (Здесь и далее, если не сказано иного, примечания переводчика.)

ГЛАВА 1

На следующий день по приезде в Голден Тео проснулся рано и, раздвинув шторы на окне гостиничного номера, увидел южный рассвет. Он прибыл накануне после полудня из родного Нью-Йорка, где, несмотря на близость весны, все еще свирепствовала зима, которая сковывала город льдом и заваливала его снегопадами, заслуживающими упоминания в прессе. Перелет до Атланты (на частном самолете) и затем переезд до расположенного южнее Голдена (в лимузине с водителем) перенесли его в мир тепла, расцветенного мириадами оттенков зеленого, желтого, лавандового и розового цветов.

Теперь, пробудившись от живительного ночного сна, он стоял в нескольких дюймах от окна, дышал полной грудью, словно стекло совсем не мешало ему наслаждаться утренней свежестью, и с восхищением смотрел на первые мазки весны.

Его взгляд скользнул в западную сторону и остановился на широкой извилистой ленте реки Оксбоу. Над водой висел туман.

Солнце еще не взошло, и с третьего этажа Тео взирал на город сквозь пелену рассветных сумерек, узнавая многие из достопримечательностей, с которыми он заочно познакомился, когда готовился к поездке

в Голден: мощные улицы, литейный завод, старые хлопковые хранилища, вековые дубы.

Но любоваться городом с третьего этажа — не для человека пытливого ума. Тео облачился в удобную одежду, оглядел себя в зеркало, поправил воротник и шарф, выключил свет, повесил на двери снаружи табличку «Не беспокоить» и спустился в гостиничный вестибюль. Поприветствовал портье, приподнял шляпу, и покинул отель — вышел навстречу холодному утру, спеша прогуляться по улицам, пока их не заполонили пешеходы и автомобили.

На Бродвее из всех заведений были открыты только кофейня да небольшая закусочная. Тротуар почти полностью был в распоряжении Тео.

Не наметив для себя определенного маршрута, он шел куда глаза глядят. Останавливался, если что-то привлекало его внимание — а заинтересовать Тео могло все что угодно, — и рассматривал то, на чем задержался взгляд, до тех пор, пока любопытство не было удовлетворено.

Например, у него вызвал интерес ажурный металлический декор на фасаде углового дома. Кто его сделал? Когда? Каким образом?

Его заинтересовала кирпичная кладка старинного, но хорошо сохранившегося здания, в котором ныне размещалась администрация колледжа.

Он не мог пройти мимо памятной доски, на которой излагалась история бульвара под названием Променад, что пролегал посреди Бродвея. (Где бы он ни жил, куда бы ни приезжал, Тео, по обыкновению, непременно читал тексты на памятных досках, если они были написаны на одном из пяти языков, которыми он владел).

Не обошел он вниманием и стилизованную под старину скульптуру у входа в школу медсестер при местном университете.

Особый интерес у него вызвала маленькая птичка, что сидела на скамье у тротуара и клячила крошки.

Тео остановился, чуть нагнулся к ней, держа руки за спиной.

— Прости, милый друг, — тихо обратился он к жалобно щебечущей птахе, — но сейчас мне нечем тебя угостить. Может быть, завтра? И прекрати канючить. Радуйся, что ты сегодня не в Нью-Йорке.

Тео подобрал пустую бутылку и бросил ее в стоявшую поблизости урну.

В какой-то момент он достал из кармана небольшое увеличительное стекло — лупу — и принялся рассматривать багрянистый цветок азалии.

И так то одно, то другое.

Из-за своего любопытства Тео продвигался черепашьям шагом. К тому времени, когда он преодолел каких-то два квартала, улицы уже ожили: по дорогам непрерывным потоком ехали машины; тротуары наполнились гомоном студентов и людей, спешащих на работу; на пустовавших с ночи парковках по обеим сторонам Променада почти не осталось свободных мест.

Но Тео это ничуть не беспокоило.

И сегодня, и в обозримом будущем он был предоставлен сам себе: никаких поджимающих сроков или обязательств, никаких запланированных встреч. Он был волен наслаждаться беззаботностью необременительного существования и полнейшей анонимностью. Теперь он был обычным туристом.

В Голдене он никого не знал.

Ну... разве что одного человека.

Пока еще он не был уверен, надолго ли задержится здесь — на несколько недель, месяцев, дольше? — но его новое временное обиталище ему нравилось.

Первое впечатление: очень приятный город, да еще и с таким звучным названием.

Голден.

ГЛАВА 2

Прогулявшись по Бродвею, Тео вернулся к маленькой кофейне, мимо которой уже проходил рано утром. У ее входа, словно душистое облако, витал аромат кофе — отличная реклама для заведения.

На оконном стекле рядом с дверью надпись, сделанная золотыми буквами с черным контуром, сообщала прохожим информацию о кофейне:

Чаша

Ул. Лайт-стрит и Бродвей

Понедельник — четверг: 06:00–22:00

Пятница — суббота: 07:00–23:00

Воскресенье: 08:00–18:00

Тео вошел в кофейню и, сделав глубокий вдох, оглядел зал, где всюду стояли и сидели по одному и небольшими группами посетители. Молодые и не очень, одетые по-деловому и в небрежно-повседневном стиле, все эти люди разной этнической принадлежности собрались здесь, привлеченные магнетическим духом кофейни.

Молодой парень с виолончелью за спиной и стаканом кофе в руке искусно лавировал между столиками

и посетителями, периодически тихо приговаривая: «Прошу прощения», «Извините». Краем глаза перехватив взгляд Тео, он улыбнулся и кивнул в знак приветствия. В больших городах, где Тео провел большую часть жизни, такое поведение сочли бы необычным, даже подозрительным, но он улыбнулся в ответ, кивнул парню, а затем встал в хвост короткой очереди к прилавку, за которым принимали заказы.

«Если и кофе здесь столь же вдохновляющий, как антураж...» — подумал Тео.

Но это было маловероятно.

В Европе Тео пристрастился к крепкому кофе. В Лиссабоне он пил *abatanado*¹ и *café pingado*², в Мадриде — *café con leche*³, в Болонье — эспresso, в Марселе — *café noisette*⁴. Американские кофейни его нередко разочаровывали даже в Нью-Йорке, где на каждую чашку отменного кофе, что он покупал, приходилось с полдюжины чашек бурды. Тео не раз говорили, что у него завышенные требования.

Он обменялся приветствиями с бариста, работавшим за прилавком, сделал заказ и, получив свой кофе, занял стоявшее поблизости свободное кресло.

¹ *Abatanado* — португальский вариант американо: разбавленный горячей водой эспresso, который подают в чайной чашке.

² *Café pingado* — эспresso с несколькими каплями молока, подается в кофейной чашке.

³ *Café con leche* — испанский кофейный напиток, дословно означающий «кофе с молоком»: крепкий кофе, смешанный с горячим молоком примерно в равных пропорциях.

⁴ *Café noisette* — французский кофейный напиток, представляет собой эспresso с добавлением небольшого количества (капли) горячего молока или сливок, что придает ему цвет фундука, отсюда и название *noisette* («фундук»).

И был немало удивлен: эспрессо ему подали великолепный. Одобрительно кивая, старик смаковал на языке первый маленький глоток.

Потягивая кофе, Тео осматривал зал. Ему все было интересно: лица посетителей, их голоса, жесты, приветствия. Он с любопытством наблюдал, как добросовестно работает жизнерадостный бариста, а также за тем, что происходит за столиками.

Но вскоре его вниманием полностью завладели рисунки на стенах кофейни.

Три стены — слева, справа и в глубине — занимали портреты, коих Тео насчитал девяносто два. Все они были выполнены карандашом на белой бумаге и висели в черных рамках трех размеров. Все, вне сомнения, были сделаны рукой одного художника. Эта коллекция, словно имитируя состав посетителей кофейни, отображала весь спектр людских типажей — от молодых до старых, от белых до черных, от грустных до веселых. Портреты, портреты, портреты...

Даже с расстояния, отделявшего его от этих графических образов, Тео видел, что они выписаны поразительно точными штрихами и с большим вниманием к деталям. Это были работы настоящего мастера: лица получились как живые, так что создавалось впечатление, будто эти портреты — не украшение стен, а зрители, наблюдающие за посетителями «Чашки».

И в воображении старика тут же возникло причудливое видение: каждая из девяноста двух рамок — это окно, а каждое из девяноста двух запечатленных в них лиц — это человек, с улицы заглядывающий в кофейню. Все эти люди на портретах днем с любопытством взирают на посетителей, а ночью, когда кофейня закрыта, выходят из своих рамок в зал

и общаются между собой, обсуждая, кто что увидел и услышал за день, делясь друг с другом историями, а к открытию заведения вновь возвращаются на свои места.

Тео улыбнулся, представляя эту красочную абсурдную картину. Подобные фантазии нередко его посещали.

Он был наделен воображением поэта.

Но при этом обладал умом и проницательностью знатока искусства. Он был человек увлекающийся, его многое интересовало, но некоторые области в особенности. В том числе портретная живопись.

Тео очень хотелось не торопясь внимательно рассмотреть каждый из девяти двух рисунков, но он решил дожидаться более подходящего момента, когда в кофейне народу будет поменьше.

А пока он потягивал эспresso умышленно маленькими глоточками. Пить кофе как-то иначе, считал Тео, значит выказывать неуважение, даже непочтительность к искусству бариста. Насладившись эспresso, он надел шляпу, глянул направо и налево, затем неспешным шагом покинул кофейню и вернулся в гостиницу.

После обеда Тео немного вздремнул, а потом отправился к реке. Прогулялся по асфальтированной дорожке с юга на север, посидел с четверть часа на скамье, подставляя лицо солнцу, и пошел к кофейне, где теперь были заняты всего несколько столиков, за которыми сидели студенты.

Очереди к прилавку не было. Тео подошел и сделал заказ.

— Рад снова видеть вас здесь, — сказал бариста. — Второй раз за день.

Тео поразило, что парень запомнил его, тем более что утром в кофейне было много народу.

— Мой дорогой друг, сегодня утром вы угостили меня превосходным эспрессо. Отличная работа. *Je ne sais quoi*¹. Премного благодарен. Я вернулся, чтобы еще раз отведасть вашего чудесного кофе.

Парень довольно усмехнулся. Ему нечасто доводилось слышать в «Чаше» французскую речь.

— Спасибо, сэр. Надеюсь, кофе, что я приготовлю сейчас, впечатлит вас еще больше. Если не понравится, прошу вас, сразу же скажите. Меня зовут Шеп. А вы?..

Шеп протянул руку через прилавок. Старик взял ее в обе ладони.

— Друзья зовут меня Тео. Искренне рад знакомству.

Шеп обратил внимание на четкое произношение старика, в голосе которого он услышал иностранный акцент.

— Я тоже. Что привело вас в Голден?

— Я здесь по делам. Но в данный момент меня очень интересуют портреты. — Тео показал на стены. — Утром они бросились мне в глаза, и я вернулся, чтобы рассмотреть их более внимательно. Расскажите о них, пожалуйста.

Тут в кофейню вошла компания из четырех женщин, вставших в очередь за Тео.

— С удовольствием, мистер Тео! Как только немного освобожусь. А пока можно начать с этого. Возможно, вы получите ответы на некоторые вопросы. И я буду рад, если расскажете о себе, когда у нас с вами выдастся минутка поговорить.

¹ *Je ne sais quoi* (фр.) — здесь: «Нет слов».

Шеп вручил Тео местный журнал — «Золотой стандарт». На обложку было помещено фото внутреннего помещения кофейни, сделанного от входа через объектив «рыбий глаз»¹, который захватил все три стены — левую, правую и в глубине — и почти все висящие на них портреты. В центре снимка стояли Шеп и еще один мужчина — поджарый, седоватый, в джинсах, футболке и твидовом пиджаке. Надпись к фотографии гласила:

Искусство «Чаши»

Тео открыл журнал, нашел статью и стал читать.

Начиналось это как игра.

«А что, если?..»

«Как ты?..»

«Может быть».

Кофейня как художественная галерея.

Это именно то, чем за последние месяцы стала «Чаша» — одно из самых популярных заведений в Голдене. Кофейня расположена в центре, на углу Лайт-стрит и Бродвея. Ее владельцы — Шеп и Эдди Карлайлы, уроженцы нашего города.

На раннем этапе обновления городского центра они приобрели пустующее трехэтажное здание и почти целый год все свободное время занимались ремонтом первого этажа. Когда работы наконец завершились, они уволились из банка, где служили,

¹ Объектив «рыбий глаз» — сверхширокоугольный объектив с углом обзора от 180 градусов и шире, с сильными геометрическими искажениями (дисторсиями), которые создают характерный визуальный эффект.

и два месяца стажировались в одной из престижных кофейен в Атланте, овладевая искусством приготовления кофе, а после распахнули для посетителей двери своего заведения, которое сразу же завоевало популярность и получило отличные отзывы. «Чаша» предлагает гостям эксклюзивный ассортимент великолепных напитков и легких десертов.

С момента открытия процветанию кофейни способствуют ее завсегдаги. Удобное расположение «Чаши» — в двух кварталах от развлекательных центров, ресторанов, магазинов, здания суда, Школы дизайнера и изобразительных искусств при Голденском университете — обеспечивает непрерывный поток посетителей. Когда бы вы туда ни зашли — в любой день, в любой час, — вас поразит разнообразие лиц клиентов.

Некоторые из этих лиц никогда не покидают зал кофейни!

Через несколько улиц от «Чаши» находятся дом и мастерская Ашера Глиссена, выдающегося местного художника. Тоже уроженец Голдена, он имеет завидный послужной список: дает частные уроки, являлся куратором Центра искусств Бредлоу, иллюстрировал многочисленные рекламные и периодические издания и прославился как мастер портретной живописи.

Когда кофейня открылась, Глиссен стал одним из ее первых посетителей. По его словам, за несколько месяцев работы «Чаши» он потратил на кофе существенную часть своих пенсионных накоплений.

Год назад Карлайлы предложили Глиссену выставить в кофейне некоторые из его работ. Предложение ему понравилось, он ухватился за эту идею.

«Ашер сказал, — объясняет Шеп Карлайл, — он кое-что наметил, но своей задумкой не поделился.